

ГЕНИАЛЬНЫЕ АФЕРЫ

Колесо фортуны

Гениальные аферы

«ВЕЧЕ»

2002

Гениальные аферы / «ВЕЧЕ», 2002 — (Колесо фортуны)

Слово «афера» можно определить как обман, жульничество, мошенничество, сомнительная сделка. Соответственно, аферист – это человек без стыда и совести, обманщик, ради корысти выдававший себя за других людей, совершавший различные махинации и нечестные поступки. Самые известные самозванцы, спекулянты, взяточники, строители финансовых пирамид, фальшивомонетчики и вымогатели, знаменитые воры и мошенники – именно о них пойдет речь в этой книге, которая открывает новую серию издательства «Вече» «Колесо фортуны». В этой серии читателей ждут встречи с самыми известными и скандальными преступлениями, убийствами, ограблениями, побегами, терактами, супружескими изменами, банкротствами и т. д. Колесо фортуны всегда непредсказуемо и ждать от него приходится всякого...

, 2002

© ВЕЧЕ, 2002

Содержание

Введение	5
Часть 1	7
Лжебардия	8
Гений перевоплощения	13
Григорий Отрепьев (Лжедмитрий I)	22
Тушинский вор (Лжедмитрий II)	31
Албанский принц с итальянским гражданством	34
История графа де Бонневаля (Ахмет-паша)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гениальные аферы

Галина Гальперина, Екатерина Горбачева, Елена Доброва, Светлана Хворостухина

Введение

Во все времена в мире находилось место обману и корысти. Непреодолимое стремление к власти и богатству заставляло многих людей действовать в обход всяческих законов и вопреки моральным установкам. Так появились аферисты. Циничные, жадные, жестокие, они пытались любой ценой добиться поставленной цели, не гнушаясь при этом никакими средствами. «Цель оправдывает средства» – их лозунг в жизни, и порой ради достижения желаемого результата они готовы были идти по трупам.

Власть, слава, деньги... Какие страсти вокруг них разгорались! Не сосчитать, сколько судеб они загубили! Истории известно немало примеров, когда люди без роду без племени, томимые жаждой власти, присваивали себе имена известных личностей, которые когда-то стали жертвой коварных убийц. Самозванство по праву можно назвать древнейшей из афер, возникших на заре развития цивилизации. Мнимые цари заявили о себе практически одновременно с появлением первых государств и централизованной власти, за которую во все времена велась непримиримая борьба. В подтверждение этой мысли достаточно привести один пример. Лжебардия, выдававший себя за убитого брата персидского царя Кира, жил в VI веке до н. э. в одном из первых в мире государств.

Немалый интерес вызывает тот факт, что особенно много самозванцев появлялось в России. Более того, ни в одной стране самозванство не оказывало столь сильного влияния на взаимоотношения общества и государства. И, что еще более удивительно, некоторым из мнимых властителей, например Григорию Отрепьеву, в конце концов удавалось достичь своей цели. В XVII столетии на территории России действовало примерно 20 самозванцев, а в XVIII веке подобных проходимцев насчитывалось около 40. Нередко они до того вживались в свою роль, что полностью отождествляли себя с людьми, имена которых присваивали. Например, Пугачев начинал плакать, рассматривая портрет Павла, которого он называл своим сыном.

Наряду с аферами политическими, пожалуй, самыми распространенными во все времена были аферы финансовые. Жажда наживы не давала покоя многим мошенникам, которые за звон монет и блеск драгоценных металлов готовы были пойти на все. Как только начали чеканить первые монеты, сразу же появились мастера, научившиеся их подделывать. Фальшивомонетничество процветало уже в период античности. С течением времени подделывать деньги становилось все сложнее и сложнее. С возникновением бумажных денег развернулась настоящая кровопролитная борьба между теми, кто придумывает всевозможные средства защиты денежных знаков от подделки, и теми, кто все-таки умудряется выпускать фальшивые банкноты, несмотря ни на что. Располагая совершенной электронной техникой, современные фальшивомонетчики научились создавать подделки, мало чем отличающиеся от настоящих купюр.

В последние несколько веков широкое распространение получили так называемые финансовые пирамиды, первой из которых считается пирамида, созданная в XVIII веке шотландцем Джоном Лоу. Идея удачливого финансиста была тут же подхвачена многими последователями и, надо сказать, небезуспешно. Особенного размаха деятельность создателей пирамид достигла в постсоветское время, когда многие из них, обманув сотни тысяч доверчивых вкладчиков, в кратчайшие сроки успели сколотить себе немалое состояние.

Изобилует гениальными аферистами и уголовный мир. Достаточно вспомнить Ваньку Каина, который одновременно был авторитетом среди воров и держал в подчинении московский сыскной приказ, или знаменитую Соньку Золотую Ручку. Сродни им также и история русского корнета Савина, который, обладая непревзойденным актерским талантом, выдавал себя за людей знатного происхождения, благодаря чему ему удавалось получать кругленькие суммы с обманутых им граждан, причем каждый раз выходить сухим из воды и жить припеваючи.

Можно было бы привести еще массу примеров гениальных афер, потому что в деле обмана и надувательства людская фантазия поистине неисчерпаема. И хотя речь на страницах этой книги пойдет далеко не о лучших представителях человечества, следует все-таки отдать должное их поистине гениальной изворотливости, умению находить выход из любой щекотливой ситуации и, конечно же, уму и целеустремленности.

Часть 1

Политические игры самозванцев

Самозванчество... «Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось...» – вспоминаются слова знаменитого русского поэта. На самом деле самозванчество нельзя назвать типично русским явлением действительности. Оказывается, первый самозванец появился не в России, а в далекой Персии в VI столетии до н. э. С тех пор прошло немало времени. Самозванчество, замаскировавшись и приняв другие формы, претерпевало немалые изменения. Однако имена родоначальников этого социального явления помнят и современники нового, третьего, тысячелетия.

Лжебардия

Эту историю о первом из известных в наши дни самозванцев на царском престоле поведал Геродот. А произошла она в VI веке до н. э.

Царь Персии Камбис, сын царя царей Кира, обладал мстительным и гневным характером. Опасаясь того, что его брат Бардий когда-нибудь оспорит его право на царство, он отдал тайный приказ об убийстве Бардия. Когда коварный замысел был исполнен, Камбис щедро вознаградил убийц и устроил в своем дворце пир.

Прошли долгие годы. Все забыли о загадочной смерти Бардия. Камбис по-прежнему царствовал и вел беспощадные войны. Его неоправданная жестокость была поистине безграничной. После завоевания Египта Камбис приказал разрушить египетские храмы и убить священных животных. Не случайно одна из египетских надписей, датируемых тем временем, гласила: «Величайший ужас, подобного которому нет, охватил всю страну». Однако вскоре Камбиса все-таки настигло справедливое возмездие.

Во времена правления Камбиса в столице Персии жили два брата, которые владели оккультными знаниями. Один из них во время отсутствия Камбиса был назначен на должность управляющего царского двора. Особенный интерес представляет тот факт, что брат управляющего, маг Гаутама, по внешнему виду был очень похож на Бардию. Это и натолкнуло братьев на мысль овладеть царским престолом. Под именем Бардии Гаутама стал вскоре править Персией. Во все стороны были отправлены гонцы, чтобы объявить всем, что отныне на престоле восседает сын Кира, Бардия, и все должны подчиняться ему, а не прежнему царю.

Слухи дошли и до Камбиса, который в это время находился в завоеванном Египте. Он немедленно призвал к себе убийцу Бардии, Прексаспа, и с гневом воскликнул: «Так-то ты выполняешь мой приказ!» Услышав такие слова, распростертый у входа в шатер повелителя Прексасп решился возразить и, упав на колени перед владыкой, сказал о том, что это была ложная весть. Дело в том, что именно Прексаспу Камбис поручил похоронить мертвого Бардию. Камбис стал чернее тучи. В действительности он не сомневался в верности слуги, а это означало, что власть в персидской столице захватил самозванец. Спустя несколько дней Камбис отправился с военным походом против того, кто осмелился назвать себя именем Бардия. Однако свой план ему осуществить не удалось. Перед самым выступлением он случайно ранил себе ногу мечом и вскоре скончался.

Лжебардия

Так самозванец остался на троне. Все области выразили ему свою покорность. Подчинилась ему также и армия, потому что не нашлось в стране другого человека, который осмелился бы объявить себя сыном Кира и стать персидским царем.

Вся страна славилась нового царя. На три года он освободил своих подданных от налогов и военной службы. Все было бы хорошо, если бы не странное поведение Бардии: царь не выходил из своего дворца, не встречался ни с кем из знатных людей. Все это было довольно подозрительно, и многие уже начинали задавать себе вопрос, действительно ли Бардия занял царский трон.

Один из придворных догадывался, что власть в стране захватил маг Гаутама. Но высказать вслух это предположение было подобно смерти, поэтому придворный решил сначала проверить его. Через евнуха он послал записку дочери, находившейся в гареме царя. Отец обращался к дочери и спрашивал о том, правда ли, что человек, который стал ей мужем, является сыном Кира? В ответном послании дочь отвечала, что она не знает, действительно ли ее муж – сын Кира, поскольку в гареме они не знали чужих мужчин, а Бардию раньше она никогда не видела.

На другой день евнух передал еще одну записку, в которой говорилось о том, что если сама Федима не могла узнать сына Кира, то она должна была спросить об этом Атоссу, старшую жену. Однако на другой день Федима отвечала, что царским женам запретили общаться друг с другом, поэтому она не может выполнить просьбу отца.

Это сообщение выглядело довольно странно. Придворному был известен один признак, благодаря которому можно было бы изобличить нового царя в обмане. Во времена правления Кира Гаутама в чем-то провинился, за что ему отрезали уши.

Придворный послал дочери очередную записку. Тогда Федиме было поручено ощупать уши Лжебардии. Девушка долго не решалась сделать то, о чем просил ее отец. Если вдруг она раскроет тайну этого человека, в живых ее не оставят. Опасения молодой женщины были не напрасными: у человека, назвавшегося ее мужем, действительно не было ушей.

Наутро придворный наконец-то убедился в том, что был прав. На следующий день он пригласил в свой дом шестерых самых близких своих друзей. Прежде чем поведать им страшную тайну, он взял с каждого из них слово хранить услышанное в тайне. После того как они поклялись богами в верности друг другу, придворный все им рассказал. Новость ошеломила его друзей, и каждый из них подумал: «Лучше бы я не приходил сюда и не знал ничего».

Организовать восстание против самозванца заговорщики не могли, поскольку они не имели в своем распоряжении ни солдат, ни верных друзей. Времени на то, чтобы собраться с силами, также не было, так как каждый понимал, что в том случае, если маг раскроет заговор, всех их ожидает неминуемая смерть. Кроме одного, который станет доносчиком. Поэтому каждый, выйдя из дома, поспешил бы во дворец царя. Все это понимали, но не решались сказать. Первым заговорил сын царского наместника Дарий, который сказал о том, что они должны действовать в тот же день. После этого Дарий проговорил: «Если сегодняшний день будет упущен, я сам расскажу обо всем магу».

Тем временем маги, догадываясь, что над ними нависла угроза разоблачения, решили привлечь на свою сторону Прексаспа. Ведь только ему была известна истинная судьба Бардия. К тому же Камбис застрелил из лука его сына. Неужели Прексасп не захочет отомстить жестокому властителю?

Маги пригласили Прексаспа на тайную беседу и, посулив ему взамен за верность несметные богатства, предложили действовать с ними заодно. Прексасп взамен на покровительство правителей дал клятву, что никто и никогда не узнает правды. На следующий же день Прексасп по поручению магов должен был уверить персов, что ими правит сын Кира, Бардий, и призвать их не верить никаким слухам.

Дарий I

В назначенное время Прексасп поднялся на башню. Тысячи людей, собравшихся на площади перед царским дворцом, замерли, готовые внимать его словам. Прексасп начал говорить о предках Кира, потом о самом Кире и о том, сколько хорошего сделал этот царь для своего народа. Маги с нетерпением ждали, когда же Прексасп заговорит о главном. Но он неожиданно для всех сообщил, что сын Кира, Бардия, давно умер, власть же в стране захватили

маги. В заключение своей речи он воскликнул: «Плохо придется вам, персы, если вы не избавитесь от них и не расправитесь с ними». С этими словами Прексасп шагнул с карниза башни. В это время к дворцу приближались заговорщики. Узнав, что произошло на площади, они решили воспользоваться удачным моментом и немедленно приступить к действиям. Заговорщики были знатного происхождения, поэтому стража не осмеливалась оказывать им сопротивление. Однако во внутреннем дворе путь им преградили евнухи с обнаженными мечами, но с ними заговорщики очень быстро расправились. Потом они ворвались во внутренние покои дворца, где скрывались маги. Один из них встретил заговорщиков с луком в руках, другой схватил копье. Завязалась борьба. Магу, у которого было копье, удалось серьезно ранить двух персов. Другой же брат выбрал для себя неудачное оружие, потому что лук в ближнем бою был абсолютно бесполезным. Он бросился бежать и закрылся в соседней комнате. Дарий с еще одним заговорщиком настигли его. Один из нападавших повалил мага на пол, и между ними началась схватка. Дарий занес над самозванцем меч, но бить не решался.

«Бей мечом!» – крикнул перс, боровшийся с магом.

«Я могу убить тебя», – крикнул ему Дарий.

«Убей хоть нас обоих, но маг должен погибнуть!»

В конце концов, Дарий взмахнул мечом и убил мага.

Рассказ об этом событии был высечен на огромной скале по дороге между Тегераном и Багдадом. Надпись, сделанную по приказу Дария, можно прочесть и сегодня. Заканчивается она такими словами: «Дарий убил мага и стал царем».

Гений перевоплощения

Английский король Эдуард IV оставил после своей смерти двух наследников – сыновей Эдуарда и Ричарда. Однако ни один из них не мог править страной, поскольку оба были несовершеннолетними. В результате развернулась борьба за власть между многочисленными конкурентами. Победу в ней одержал Ричард Глостерский, назначенный протектором. Он и объявил себя королем Англии, присвоив имя Ричарда III. Захватив власть, он заявил, что Эдуард IV незаконно занимал трон, потому что на самом деле не был сыном герцога Йоркского, а значит, и его сыновья не имели права претендовать на английский престол. Вскоре юных Эдуарда V и Ричарда заключили в Тауэр, откуда им не суждено было выйти. Спустя некоторое время их убили. В 1485 году умерла жена Ричарда III, которая, скорее всего, была отравлена мужем, потому что тот задумал жениться на сестре Эдуарда IV Елизавете.

Тем временем все большую поддержку у англичан завоевывал лидер оппозиции Генрих, граф Ричмонд. В 1485 году, заручившись военной поддержкой Франции, Генрих выступил против Ричарда III. В сражении близ Босворта последний получил смертельную рану. Наследников по мужской линии у него не оказалось. Поэтому на английский престол под именем Генриха VII взошел граф Ричмонд, ставший основателем династии Тюдоров. В скором времени он женился на Елизавете.

Однако на этом борьба за престол не закончилась. Другая сестра Эдуарда IV, Маргарита Бургундская, не желала мириться с тем, что власть находится в руках представителя династии Тюдоров. Не только в Англии, но и в других странах она начала распускать слухи о том, что после убийства старшего сына Эдуарда IV палачи сжалились и тайне освободили его брата, Ричарда, герцога Йоркского, так что он остался в живых. Специально нанятые Маргаритой агенты подыскивали молодого человека, который по внешним данным и по возрасту походил бы на Ричарда. И эти поиски в конце концов увенчались успехом.

Ричард III

Роль наследника престола прочили Перкину Уорбеку, обладавшему благородной внешностью, изящными манерами и имевшему такой же возраст, что и Ричард. С детства он много странствовал, поэтому трудно было установить место его рождения. Кроме того, крестным отцом Уорбека считался сам Эдуард IV. По словам современников, «сей юноша родился в городе Турне и прозывался Питер Уорбек, он сын крещеного еврея, чьим воспитанником у купели был сам король Эдуард».

Несмотря на то что король был крестным не Перкина, а его отца, мальчик до десятилетнего возраста, то есть до смерти короля Эдуарда, мог бывать при дворе и наблюдать некоторые сцены придворной жизни, что было как нельзя кстати и могло пригодиться при исполнении роли самозванца. Итак, как же развивались события, способствовавшие превращению простого юноши в отпрыска королевского рода?

Питер был сыном Джона Осбека и его жены Екатерины де Фаро. Так как мальчик рос хрупким и изнеженным, его стали называть уменьшительным именем Питеркин, или Перкин. Фамилию Уорбек ему дали наугад, но именно она принесла Перкину славу.

В раннем детстве он с родителями приехал в Турне. Мальчика отдали на воспитание в дом родственника, который проживал в Антверпене. В этом городе его и разыскал агент Маргариты Бургундской. Сестра Эдуарда IV обнаружила в юноше возвышенный дух и подкупающие манеры.

Маргарита держала существование Перкина в глубокой тайне. Она обучала его тому, как подобает вести себя в обществе, чтобы сохранять величие и в то же время нести печать смирения, наложенную перенесенными невзгодами. Маргарита во всех подробностях рассказала Перкину о Ричарде, роль которого ему предстояло исполнять, о его родителях, короле и королеве, о тех событиях, которые происходили во дворце при жизни короля и могли остаться в памяти ребенка, и о том, что случилось после смерти Эдуарда IV. Придумала Маргарита также и довольно правдоподобную версию о гибели брата Ричарда в Тауэре и о его собственном побеге.

Заговорщики обсудили, что Перкин должен рассказывать о своих странствиях на чужбине, а также учли все каверзные вопросы, которые ему могли задать. Впрочем, Маргарита была уверена, что Перкин с присущей ему находчивостью самостоятельно сможет найти выход из любой щекотливой ситуации. В довершение Маргарита пообещала самозванцу богатое вознаграждение не только в настоящем, но и в будущем, а главное, не скупясь на эпитеты, описала, что его ожидает, когда он получит английскую корону. В случае же неудачи их затеи предусмотрительная герцогиня обещала укрыть юношу при своем дворе.

Наконец все приготовления были закончены. Маргарита решила, что Перкин должен объявиться в Ирландии в то время, когда начнется война между Англией и Францией. Если бы он из Фландрии сразу же направился в Ирландию, это выдало бы ее участие в судьбе мнимого сына Эдуарда IV.

В 1490 году Перкин в сопровождении англичанки леди Брэмpton и еще одного доверенного лица выехал в Португалию, где должен был затаиться до особого указа своей покровительницы. Сама же Маргарита занялась подготовкой условий для приема и признания мнимого герцога Йоркского не только в Ирландском королевстве, но и при французском дворе.

Перкин провел в Португалии примерно год и отправился в Ирландию, в город Корк, только после того, как король Англии созвал парламент и объявил Франции войну. Уорбек сразу же выдал себя за герцога Йоркского, второго сына Эдуарда IV, и начал вербовать сторонников. Он отправил письма графам Десмонду и Килдеру, в которых просил их оказать ему

помощь. Приезд Перкина в Ирландию и оказанный ему прием способствовали тому, что шотландский король Яков не стремился к заключению длительного мира с королем Генрихом VII.

Маргарита склонила к сотрудничеству доверенного слугу английского короля, Стефана Фрайона, который был у Генриха секретарем. Фрайон, постоянно чем-то недовольный, не задумываясь, покинул своего повелителя и поступил на службу к королю Франции Карлу. Карл понял, что замышляет Перкин, и немедленно отправил к нему Фрайона и некоего Лукаса с поручением уверить самозванца в хорошем расположении к нему французского короля и сообщить о том, что Карл готов оказать ему помощь в осуществлении его замысла и приглашает приехать в Париж.

Перкин отправился во Францию. Король Карл встретил его с великими почестями и называл не иначе как герцог Йоркский. Французский король поселил Уорбека в великолепных покоях и приставил к нему почетную охрану. Придворные поддержали игру короля, поскольку понимали, что она обусловлена государственными причинами.

В то же время Перкин принял у себя многих представителей английской знати, в том числе сэра Джорджа Невилла, сэра Джона Тейлора и около сотни других. Главным советником Уорбека был назначен Стефан Фрайон. Принимая у себя самозванца, Карл преследовал корыстные цели: таким образом он пытался заставить Генриха подписать с Францией мирный договор. Однако несмотря на то, что англичане настоятельно просили его выдать им Перкина, Карл предпочел отказаться, поступить иначе ему не позволяла королевская честь. Он лишь предупредил Уорбека о грозящей ему опасности и отослал от двора.

Перкин и сам собирался уехать, понимая, что король Англии может организовать его тайное похищение. Покинув Францию, он отправился во Фландрию и предстал перед герцогиней Бургундской, которая сделала вид, что крайне изумлена его появлением, потому что никак не ожидала его увидеть. Маргарита заявила, что, прежде чем принять какое-то решение, ей нужно побеседовать с юношей, чтобы увериться, что это действительно герцог Йоркский. Выслушав Перкина, она изобразила величайшее изумление и радость, но в то же время дала понять, что по-прежнему сомневается в правдивости его слов. Наконец герцогиня приветствовала Уорбека как восставшего из мертвых, предрекая ему великое и счастливое будущее. Изгнанию Перкина из Франции также было найдено соответствующее объяснение: принца объявили жертвой честолюбия двух великих монархов. Сам Перкин вел себя как настоящий король и так мастерски справлялся со своей ролью, что все окончательно уверились в том, что он и есть герцог Ричард. Да и сам Уорбек был на грани того, чтобы поверить в собственный обман.

Герцогиня Бургундская оказывала Перкину соответствующие его персоне почести: называла его именем своего племянника, присвоила высокий титул Белой розы Англии и в качестве его почетной охраны предоставила ему тридцать облаченных в багряные и голубые мундиры воинов. Все придворные следовали ее примеру и были исключительно любезны с претендентом на английский престол.

Эдуард IV

Весть о воскресении из мертвых герцога Йоркского облетела всю Англию. Распространились слухи о том, что Ричарда сначала приютили в Ирландии, потом пригласили и во Францию, где его предали, и что теперь его наконец признали и приняли при дворе герцогини Бургундской во Фландрии.

В адрес Генриха VII градом посыпались обвинения в том, что он унижает своих подданных и обирает народ. Укоряли его также за потерю Бретани и заключение мира с Францией. Но больше всего возмущений вызывал тот факт, что он до сих пор не признал первичность прав на английский престол королевы Елизаветы. В народе говорили о том, что с появлением настоящего наследника престола узурпатору не сдобровать.

Слухи быстро докатились до королевского двора, и вскоре лорд-камергер Уильям Стенли, лорд Фитцуотер, сэр Саймон Маунтфорд и сэр Томас Твейтс вступили в тайный сговор в пользу принца Ричарда. Однако выступить открыто заговорщики не решились. По их поручению во Фландрию отправились сэр Роберт Клиффорд и Уильям Барли. Особенно обрадовал Маргариту приезд первого – прославленного и родовитого дворянина. Клиффорд был представлен самозванцу и неоднократно беседовал с ним. В конце концов, то ли под влиянием убеждений герцогини, то ли поверив самому Перкину, он написал в Англию письмо, в котором утверждал, что молодой человек, о котором говорит вся страна, действительно является принцем Ричардом, герцогом Йоркским. Таким образом, стране угрожали смута и мятеж, поскольку между заговорщиками Англии и Фландрии установились тесные взаимоотношения.

Чтобы предотвратить угрозу, нависшую над собственной персоной, Генрих VII незамедлительно начал строить планы разоблачения и уничтожения самозванца. Для этого ему предстояло найти свидетельства того, что настоящий принц был все-таки убит в Тауэре, или доказать, что Перкин – самозванец, собрав сведения о реальной биографии этого человека.

К сожалению, первый план властолюбивого монарха не удался. Поведать о гибели принцев могли только четыре человека, которые непосредственно имели к этому отношение. Это нанятый королем Ричардом сэр Джеймс Тиррел, двое его слуг – палачи Джон Дайтон и Майлз Форрест, а также священник Тауэра, который похоронил убитых. Однако Майлза Форреста и священника к тому времени не оказалось в живых. Джеймса Тиррела и Джона Дайтона, находившихся в полном здравии, Генрих приказал заключить в Тауэр и подвергнуть допросу.

Свидетели рассказали, как король Ричард III направил указ об убийстве принцев коменданту Тауэра Брэкенбери, однако тот отказался совершить это ужасное деяние. Тогда король попросил сэра Джеймса Тиррела исполнить это поручение. В сопровождении слуг Тиррел отправился в Тауэр. Сам он остался у подножия лестницы, а своих слуг послал наверх. Эти негодяи как раз и стали непосредственными исполнителями воли короля, задушив принцев во сне. Тела убитых зарыли тут же, под лестницей.

Однако когда королю доложили об исполнении его высочайшего повеления, он остался недоволен местом захоронения сыновей короля. Поэтому по его же приказу следующей ночью священник Тауэра выкопал тела и перезахоронил их в другом месте, которое было известно только ему одному. Эту тайну он унес с собой в могилу.

Итак, поскольку многое в показаниях свидетелей осталось не совсем ясным, Генрих решил пойти по другому пути, то есть попытаться собрать сведения о самозванце. В нескольких странах, в том числе и во Фландрии, Генрих создал сеть преданных агентов, которые собирали сведения не только о Перкине Уорбеке, но и обо всех участниках заговора. Некоторым из королевских агентов удалось примкнуть к окружению Перкина. Все сведения, которые удавалось добыть шпионам, незамедлительно поступали к Генриху. В итоге король получил исчерпывающую информацию о каждом из заговорщиков и к тому же завоевал расположение сэра Роберта Клиффорда.

С помощью придворных сплетен Генрих распространил слух о том, что неизвестно откуда взявшийся наследник престола является всего лишь дерзким самозванцем. В то же время король направил послов во Фландрию к великому герцогу Филиппу с целью убедить его отослать Перкина от двора. Однако Филипп ответил, что не может этого сделать, поскольку мнимый Ричард III находится под покровительством герцогини Бургундской, а распоряжаться на ее землях не в его власти. Но Генрих догадывался, что это лишь отговорка и что Филипп оказывает Перкину помощь и содействие.

Зная, что наибольшую поддержку самозванцу оказывали сторонники в Англии, Генрих решил сурово наказать группу главных заговорщиков в королевстве и тем самым подорвать силы сторонников Перкина во Фландрии. Король призвал к себе советников, которых изобличил в поддержке самозванца, и Клиффорда. Последний, дабы спасти свою жизнь, пал перед

королем ниц и взмолился о пощаде, и Генрих сразу же милостиво даровал прощение. Взамен Клиффорд рассказал все, что ему было известно о самом Перкине и о деятельности его сторонников, в частности, выдал лорда-камергера королевского двора Уильяма Стенли. Случилось это 22 декабря 1494 года.

В своей «Истории Шотландии» Тайтлер по этому поводу записал: «Это разоблачение стало роковым ударом для йоркистов. Их замысел, по-видимому, состоял в том, чтобы провозгласить Перкина королем в Англии, пока его многочисленные сторонники готовились восстать в Ирландии; в то же время шотландский монарх должен был во главе войска нарушить границы и вынудить Генриха разделить свои силы. Однако предводители приграничных кланов, которым не терпелось начать войну, вторглись в Англию слишком рано; к несчастью для Уорбека, случилось то, что, пока буйная вольница, включавшая Армстронгов, Эльвальдов, Кроссаров, Вигэмов, Никсонов и Генрисонов, спускалась в Нортамберленд в надежде поднять там восстание в пользу самозванного герцога Йорка, предательство Клиффорда раскрыло все детали заговора, а поимка и казнь главарей повергла народ в такой ужас, что дело Перкина в тот момент представлялось безнадежным».

Узнав о казни Стенли, который был главной опорой заговорщиков, и других своих сторонников, Перкин и его сообщники были ошеломлены.

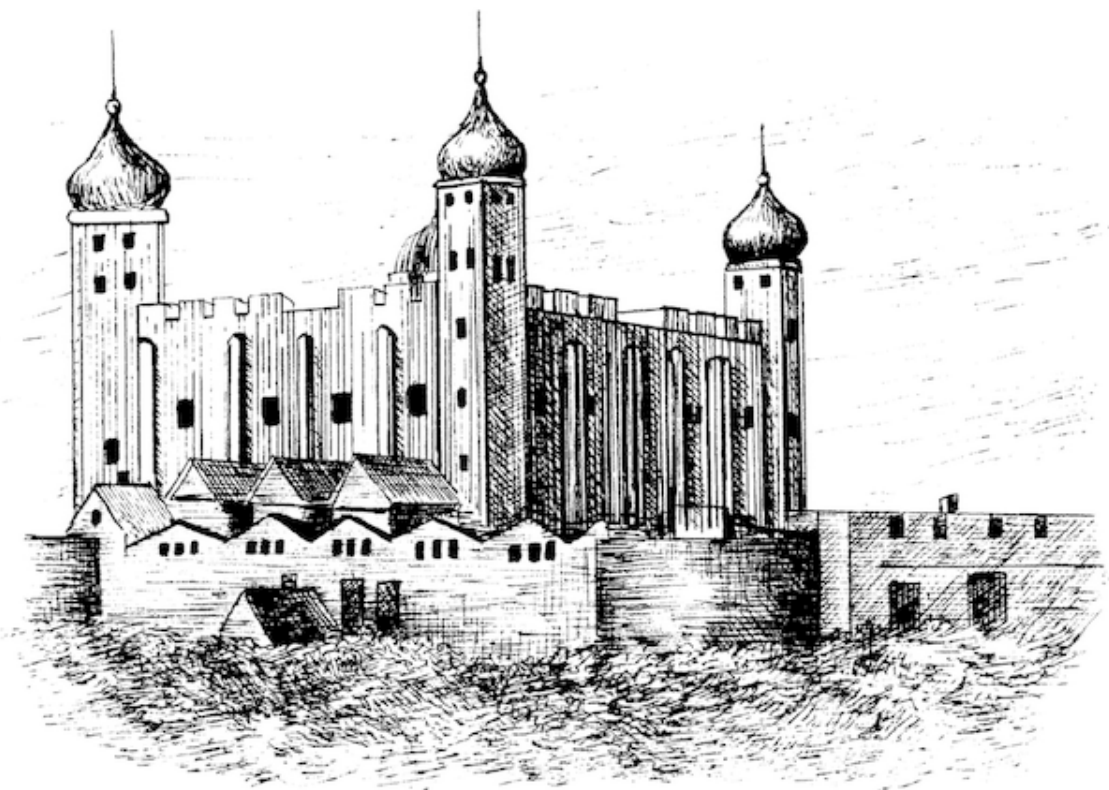
Уорбек по-прежнему опирался на привязанность простолюдинов к дому Йорков и рассчитывал на их поддержку. Местом своей вылазки он избрал берег Кента. Войско, которое самозванец повел в сражение против короля Генриха, состояло в основном из разорившихся гуляк, грабителей и воров. С ним он вышел в море и в начале июля 1495 года высадился на берегу близ Кента, между Сэндвичем и Дилом. Когда жители поняли, что войско самозванца включает не знатных англичан, а чужеземцев, готовых, скорее, к грабежу местного населения, чем к походу за короной Англии, они поклялись в верности королю и выразили готовность вступить в борьбу против войска Перкина.

Англичане решили создать видимость отступления, чтобы выманить войско самозванца на берег, однако этого им сделать не удалось. Самозванец и его сторонники опасались приближаться к берегу до тех пор, пока не убедятся, что все надежно. Поняв, что их попытки тщетны, англичане перебили тех мятежников, которые уже были на берегу, и 150 человек взяли в плен.

Когда король, находившийся в путешествии, получил радостное известие о разгроме заговорщиков, он отправил в Кент Ричарда Гилдфорда, чтобы тот передал поздравления, а сам продолжил путь. Для устрашения мятежников Генрих распорядился всех пленников повесить. Их связали веревками и пригнали в Лондон. Казнь состоялась в Лондоне и Вэппинге. Кроме того, виселицы, подобно маякам или вежам, стояли на побережье Кента, Сэссекса и Норфолка.

Перкину ничего не оставалось делать, как отправиться обратно в Ирландию. Самозванец решил искать помощи и поддержки у шотландского короля Якова, противника короля Генриха. К тому же Максимилиан и король Франции Карл, испытывавшие известную неприязнь к английскому королю, неожиданно решили оказать содействие Уорбеку и втайне ходатайствовали за него королю Шотландии.

20 ноября 1495 года Перкин с большой свитой прибыл в шотландский город Стерлинг, где с подобающими почестями был встречен королем Яковом, который вел себя с ним как с Ричардом, герцогом Йоркским. В знак особой признательности король дал свое согласие на брак Уорбека с дочерью графа Хантли и своей близкой родственницей, леди Екатериной Гордон – девушкой редчайшей красоты и добродетели.

Вскоре король Карл собрал большое войско, которое состояло главным образом из жителей приграничного района, и в сопровождении Перкина вступил в графство Нортамберленд. Однако вопреки ожиданиям самозванца народ не выступил в его поддержку. Тогда войско шотландского короля разорило и разрушило графство, несмотря на протест Перкина против ведения войны варварским способом.

Тем временем короли Шотландии и Англии начали вести переговоры о мире, которые в скором времени зашли в тупик, поскольку Генрих в качестве главного условия договора требовал выдать ему самозванца. На это Яков не мог согласиться, потому что принял Перкина как государя и теперь было бы крайне бесчестно и недостойно для короля изменить свое отношение к нему, кем бы он на самом деле ни являлся.

Несмотря на то что Яков не изменил своей позиции по отношению к Уорбеку, после длительных бесед с англичанами и других свидетельств он практически не сомневался в том, что приютил самозванца. Наконец король Шотландии призвал к себе Перкина и сообщил ему о том, что англичане разоблачили его обман перед шотландским народом, поэтому Уорбеку придется искать более подходящее место изгнания, для чего Яков предоставит ему корабли.

Перкин не поехал во Фландрию, поскольку знал, что Генрих заключил с Филиппом договор и там только и ожидают его приезда для того, чтобы учинить скорую расправу. Вместе с женой самозванец отправился в Ирландию. Под именем короля Англии Ричарда V Уорбек издал прокламацию, содержащую щедрые обещания народу и призыв выступить против узурпаторов королевского трона с тем, чтобы вернуть корону ее законному владельцу.

На четырех небольших барках с 80 воинами Перкин отправился в Корнуэлл. Его корабли причалили в бухте Уитсенд-бей. В Бодмине его войско пополнилось тремя тысячами грубых мужланов.

По наущению ближайших советников – бежавшего от долгов торговца шелком и бархатом Херна, портного Скелтона и писца Этли – самозванец решил овладеть хорошо укрепленным городом. Это было необходимо, во-первых, для того, чтобы предоставить своим людям

возможность испытать сладость богатой добычи и набрать новых рекрутов, а во-вторых, чтобы обеспечить себе надежное убежище в случае неудачи предприятия.

17 сентября повстанцы осадили город Эксетер, который был самым сильным и богатым среди окружавших его поселений. Перкин пообещал горожанам, что он превратит Эксетер в новый Лондон, если они первыми признают его королем. Однако горожане на подобные провокации не поддались. Так что самозванцу ничего не оставалось делать, как снять осаду Эксета и двинуться к Тонтону, растеряв по пути большую часть своего войска.

Весь день Перкин делал вид, что готовится к бою, но к полуночи самозванец прихватил с собой три десятка всадников и скрылся в неизвестном направлении, бросив свое войско на произвол судьбы. Узнав о бегстве Уорбека, Генрих выслал за ним вдогонку 500 всадников, чтобы отрезать ему путь к морю, посреди которого находился тот заветный островок, который называли святилищем. Но Перкину все же удалось опередить королевских солдат и укрыться на острове. Последние окружили остров и послали к Генриху гонца с донесением о произошедшем.

Английский король отправил на остров делегацию, которая должна была вступить в переговоры с Уорбеком. Самозванца доставили ко двору короля, но Генриху он представлен не был, хотя сам король, дабы удовлетворить свое любопытство, наблюдал за ним из окна. Перкин находился на свободе под неусыпным наблюдением королевских агентов.

Вскоре в голове у самозванца созрел новый план. 9 июня 1498 года Перкину удалось обмануть приставленную к нему охрану и бежать. Он направился к морскому берегу, однако испугался погони и вынужден был вернуться обратно. Мошенник проник в Вифлеемский дом, называемый Шайнским приорством, и сдался в руки приора монастыря, который пользовался всеобщим уважением и слыл святым.

Приор явился к королю с просьбой сохранить жизнь Уорбеку, в остальном же он полагался на волю Генриха. Хотя многие подданные убеждали его казнить самозванца, королевское высокомерие не позволяло ему ненавидеть тех, кого он презирал. Как только Перкин оказался в его власти, Генрих приказал воздвигнуть во дворе Вестминстерского дворца эшафот, на котором забили в колодки закованного в кандалы Уорбека. Там он провел весь день. На следующий день самозванца поместили на такой же эшафот на перекрестке в Чипсайде. Здесь, так же как и в Вестминстерском дворце, он читал свою исповедь. На третий день Перкина заточили в Тауэр.

Но даже оказавшись в тюрьме, Уорбек не унимался. Он решил подкупить охранников и с их помощью выбраться на свободу. Однако стражей не интересовала его судьба, да и на высокое вознаграждение они не рассчитывали, зная, с кем имеют дело. Поэтому Перкин решил привлечь на свою сторону Эдуарда Плантагенета, графа Уорика, который в то время был узником Тауэра. Через охранников он обменялся с ним записками и договорился о побеге. Четверо охранников должны были убить коменданта Тауэра, завладеть деньгами и имуществом, достать ключи от Тауэра и выпустить графа и Уорбека на свободу.

Однако замысел Перкина не удался. Заговор был раскрыт. Оказалось, что Перкина использовали всего лишь как приманку, необходимую для того, чтобы заманить в ловушку графа Уорика. 16 ноября 1499 года судьи вынесли Уорбеку обвинение на основании многих измен, совершенных им после высадки на сушу в пределах королевства, и приговорили к смерти. Казнь состоялась в Тайберне, где он в последний раз прочитал вслух свою исповедь и в предсмертный час подтвердил ее истинность.

Граф Уорик также был обвинен в том, что замыслил вместе с Уорбеком учинить смуту и выступить против короля. Тому ничего другого не оставалось, как признать обвинение справедливым. Вскоре он был обезглавлен на Тауэр-Хилл.

Григорий Отрепьев (Лжедмитрий I)

Далекие предки Григория Отрепьева жили в Литве. Прибыв на Русь, одни из них поселились в Галиче, а другие – в Угличе, резиденции погибшего царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. В 1577 году Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан, которому к тому времени исполнилось всего лишь 15 лет, получили поместье в Коломне. Через несколько лет у Богдана родился сын, которого назвали Григорием. Приблизительно в то же время у царя Ивана появился сын Дмитрий.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника. Погиб он очень рано. В те времена в Немецкой слободе в Москве иноземцы свободно торговали вином. Нередко там случались пьяные драки. Наделенный от природы буйным характером, Богдан зачастую становился их участником. В одной из таких стычек его зарезал некий литвин.

После смерти отца Григория воспитывала мать. Она научила мальчика читать Священное Писание. Дальнейшее обучение Григорий проходил в доме дьяка Семейки Ефимьева, зятя Отрепьевой, который жил в Москве. После того как Гришка Отрепьев принял постриг, он стал переписчиком книг на патриаршем дворе. Эту должность он получил благодаря своему каллиграфическому почерку.

Отрепьев обладал необыкновенными способностями, поэтому некоторые даже подозревали его в общении с нечистой силой. Учение действительно давалось ему с поразительной легкостью. Однако бедность и сиротство не позволяли способному юноше даже надеяться на выдающуюся карьеру.

Григорий поступил на службу на московское подворье к боярину Михаилу Романову. Многие считали Романовых наследниками короны. Служба при дворе открывала юноше неплохие перспективы на будущее. Немалую роль в том, что Романовы выбрали именно его, небогатого провинциального дворянина, сыграло соседство родового гнезда Отрепьевых и костромской вотчины Романовых – села Домнино.

Однако такой поворот в судьбе Григория чуть было не стоил ему жизни. В ноябре 1600 года романовский круг постигла опала. Под стенами подворья Михаила Романова произошло настоящее сражение: свита Романовых оказала вооруженное сопротивление царским стрельцам.

Всех, кто находился в услужении у опальных бояр, ожидала виселица. Отрепьев чудом спасся от смертной казни, укрывшись в монастыре. Григорию едва исполнилось 20 лет. Ему пришлось отказаться от светской жизни и превратиться в смиренного монаха. Во время скитаний Григорию довелось побывать в галичском Железноборском монастыре, где он, по всей вероятности, и постригся, а также в суздальском Спасо-Евфимьеве монастыре. В Суздале Гришка попал под начало к духовному старцу. Однако Григория тяготило монашеское одеяние, а тем более жизнь под началом, и он, в конце концов, решил покинуть обитель.

К тому времени все Романовы находились в ссылке, поэтому розыск их сторонников был прекращен, да и оставшиеся в живых опальные вскоре получили прощение. Надо сказать, что на Руси провинившиеся перед царем нередко спасали свою жизнь в монастырях, подобно Отрепьеву. Поэтому Григорий снова объявился в Москве. Благодаря протекции он попал в самый аристократический Чудов монастырь в Кремле. Некоторое время он находился под надзором архимандрита Пафнотия, после чего был переведен в собственную келью, где занялся литературным трудом. Сам Отрепьев рассказывал знакомым монахам о том, что «живучи в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе».

Вскоре старания Отрепьева были оценены, и с этого времени начался его стремительный взлет. Григорий стал дьяконом, однако жизнь в тихой келье была не по нему, поэтому Отрепьев

переселился на патриарший двор, где также завоевал себе, как он сам говорил, великую славу. Он не только переписывал книги, но и сочинял каноны святым. Григория знали и епископы, и игумены, и весь Священный собор. Нередко он бывал у самого патриарха Иова, который включил юношу в штат своих помощников, являвшихся с ним на собор и в думу.

Григорий Отрепьев

Всего лишь за один год Григорий сумел сделать поистине выдающуюся карьеру. За такой короткий срок он прошел путь от простого келейника чудовского архимандрита до почитаемого всеми придворного патриарха. Причем достиг Отрепьев такого положения не за счет невероятных подвигов аскетизма, а благодаря необыкновенной восприимчивости своей натуры. Он в течение одного месяца усваивал то, на что у других уходила целая жизнь. Цер-

ковники сразу же оценили живой ум и литературный дар Отрепьева. К тому же юноша обладал удивительной способностью притягивать и подчинять себе других людей.

Григорий начал прилюдно хвастаться, что может стать в Москве царем. Подобные дерзкие речи дошли до царя Бориса, и он отдал спешный приказ о ссылке Отрепьева в Кириллов монастырь. Однако Григория вовремя предупредили о решении царя, и он успел бежать. Сначала Отрепьев отправился в Галич, потом в Муром, в 1602 году он вернулся в столицу, откуда, прихватив с собой двух монахов, Варлаама и Мисаила, бежал за границу.

Воспользовавшись тем, что отъезжавших монахов никто не преследовал, злоумышленники в течение трех недель служили службы в церкви, собирали с народа деньги, якобы необходимые для строительства храма, и присвоили их себе. Бродячие монахи не вызывали у властей никаких подозрений, поэтому никто даже и не пытался их задержать. Беглецы преспокойно миновали границу и отправились в Печерский монастырь в Киеве, в котором провели три недели. Затем перешли во владения князя Константина Острожского, где жили все лето. За этот срок Григорий успел завоевать расположение магната, и тот пожаловал ему щедрый подарок. Затем монахи перебрались к Габриэлю Хойскому в Гошу, на Волыни, а потом в Брачин, к князю Адаму Вишневецкому. Здесь Отрепьев сбросил с себя монашеское одеяние и решился, наконец, объявить себя московским царевичем Дмитрием.

Когда Вишневецкий известил польского короля Сигизмунда III о появлении «царевича», тот потребовал подробных объяснений.

В 1603 году князь записал рассказ самозванца. Отрепьев во всех подробностях поведал о тайнах московского двора и об обстоятельствах своего чудесного спасения. Спас его якобы некий воспитатель, которому стало известно о запланированном убийстве царевича. В ночь убийства ему удалось подменить Дмитрия мальчиком того же возраста, который и был зарезан вместо царевича. Царица-мать, которая первой прибежала в спальню своего несчастного сына, не распознала подлога, потому что лицо ребенка приобрело к тому времени свинцово-серый оттенок. Точные факты и имена Отрепьев, однако, называть опасался, потому что они могли быть опровергнуты в результате проверки. Он утверждал, что его чудесное спасение оставалось тайной для всех, даже для его матери, заключенной в один из женских монастырей.

Самозванец жил в Литве открыто, поэтому его слова можно было сразу же проверить. Если бы новоявленный «царевич» попытался скрыть известные всем факты, его непременно обличили бы в обмане. Так, всем было известно, что «Дмитрий» прибыл в Литву в рясе. Для этого также необходимо было найти правдоподобное объяснение, и Отрепьев придумал следующее. Перед своей смертью спаситель передал царевича на попечение «верного друга». Этот дворянин воспитал мальчика в своем доме, а перед кончиной посоветовал ему принять постриг. Юноша последовал совету своего воспитателя и стал монахом. Он обошел многие российские монастыри, пока однажды один монах не распознал в нем царевича Дмитрия. Тогда он вынужден был бежать в Польшу.

По всей вероятности, Отрепьев уже в Киево-Печерском монастыре пытался выдать себя за царевича. В книгах Разрядного приказа была обнаружена любопытная запись, согласно которой Отрепьев, прикинувшись больным, признался игумену в том, что он является царевичем. Услышав такие слова, игумен указал ему на дверь. По свидетельству историков, Отрепьев не раз прибегал к тому же трюку. Разболевшись в имении Вишневецкого, на исповеди он поведал о своем «царском происхождении» священнику. Однако в докладе князя королю этот эпизод не упоминался.

Первым покровителем Отрепьева в Польше стал князь Адам Вишневецкий, который снабдил Григория приличным платьем и велел возить в карете в сопровождении гайдуков. Постепенно круг покровителей самозванца все более расширялся. Интригу Вишневецкого поддерживали польский король и другие высокопоставленные лица государства, в том числе и канцлер Лев Сапега. В услужении этого сановника находился московский беглец Петрушка, кото-

рый как пленник попал в Москву в годовалом возрасте. Сапега объявил, что этот его слуга, которого вдруг все начали величать не иначе как Юрием Петровским, был лично знаком с царевичем Дмитрием.

Однако при встрече с Отрепьевым Петрушка растерялся. Отрепьев же как ни в чем не бывало «узнал» бывшего слугу и уверенно вступил с ним в разговор. Холоп пришел в себя и «узнал» царевича по особым приметам: бородавке на носу и неравной длине рук. Так что все прошло согласно заранее подготовленному сценарию. Таким образом, Сапега оказал самозванцу неоценимую услугу.

Тем временем число покровителей Григория Отрепьева пополнилось еще одним влиятельным человеком. Это был Юрий Мнишек, один из русских холопов которого также признал в самозванце царевича. Поддержали его также и московские дворяне-изменники братья Хрипуновы, бежавшие в Литву в 1603 году.

Когда Бориса известили о появлении самозванца, он обратился к польскому двору с требованием о выдаче преступника, который якобы был осужден за то, что отверг родительский авторитет, восстал против Бога и впал в чернокнижие. Однако поляки не торопились выдавать русским Григория Отрепьева.

Между тем самозванец, почувствовав за своей спиной реальную силу, действовал все более уверенно. Отрепьев также заручился поддержкой запорожских казаков, точивших сабли на московского царя. Самозванца нередко видели вместе с казаками. Не случайно сведения о нападении запорожцев по времени совпадают с сообщением о появлении в их среде самозваного царевича.

В 1603 году в Запорожской Сечи началось формирование повстанческой армии, которая впоследствии принимала участие в московском походе Григория Отрепьева. Наконец к самозванцу явились гонцы с Дона с сообщением о том, что казаки готовы идти на Москву. В ответ самозванец послал им свой штандарт – красное знамя с черным орлом, после чего его гонцы заключили с казачьим войском союзный договор.

В то же время в центре России также начали возникать повстанческие отряды. Положение Бориса Годунова на царском троне становилось все более шатким. Этим и решил воспользоваться самозванец. С именем неожиданно воскресшего царевича Дмитрия народ связывал надежду на освобождение от установленного Годуновым жестокого крепостнического режима. Так что Отрепьеву представилась реальная возможность встать во главе народного восстания.

Однако самозванца, который был дворянином по происхождению, не устраивала перспектива превращения в вождя народного движения. Он предпочел организовать сговор с врагами России. Отрепьев знал, что с давних пор заветной мечтой иезуитов является подчинение русской церкви папскому владычеству. Их поддержкой Григорий и решил заручиться.

Сигизмунд III поручил Вишневецкому и Мнишеку привезти в Краков московского царевича. В конце марта 1604 года «Дмитрия» доставили в польскую столицу, где его окружили иезуиты, пытавшиеся убедить его в истинности католической веры. «Царевич», осознавая, что в этом состоит его сила, принял от иезуитов святое причастие и дал обещание ввести на Руси католичество, если только ему удастся занять российский престол.

В 1600 году Россия заключила перемирие с Польшей, но это не обеспечило безопасности ее западных границ. Король Сигизмунд готовился к новому наступлению на Россию, и для этих целей ему необходим был Лжедмитрий. Ради удовлетворения своих кредиторов самозванец без стеснения перекраивал русские земли. Он пообещал передать Польше плодородные Чернигово-Северские земли. Семье Мнишек Григорий посулил Псков и Новгород. Взамен же он получил довольно туманные обещания.

Дальновидные польские политики решительно выступали против войны с Россией. В результате Сигизмунд отказался от своих обещаний и вместо сильной королевской армии предоставил Отрепьеву около двух тысяч разного рода наемников. Армия была слишком мало-

численной, чтобы выступать с ней против России, и план самозванца был бы заведомо обречен на провал, если бы его не поддержало донское казачество.

Царские воеводы, выступившие навстречу самозванцу с огромными силами, действовали явно нерешительно. Несмотря на это, им удалось одержать победу в сражении под стенами Новгород-Северского. В результате большинство наемников обратились в бегство, оставив лагерь самозванца. Вместе с ними восвояси отправился и Юрий Мнишек, сопровождавший Отрепьева.

Хотя вторжение на Русскую землю закончилось провалом, вооруженная помощь поляков позволила Лжедмитрию продержаться на территории Русского государства первые, самые трудные месяцы, до тех пор, пока народное восстание не охватило всю южную оконечность России. Голод еще более усугублял сложившуюся обстановку.

Борис, узнав о появлении в Польше самозванца, открыто заявил боярам, что это их рук дело, так как они задумали свергнуть его. Однако впоследствии царь без особых опасений за свою голову направил против войск самозванца тех же бояр. На первый взгляд подобное поведение Бориса кажется непонятным, но на то имелись свои причины. Годунову было известно, что дворяне не очень-то доверительно относились к самозваному казацкому царьку. На сторону Отрепьева перешло всего лишь несколько воевод. Как правило, крепости самозванцу сдавали посадские люди или казаки, а воевод к нему приводили связанными.

Растеряв всех своих наемников, Григорий решил довольствоваться ролью народного вождя, которая ранее его не устраивала. Он спешно сформировал новую армию из посадских людей, восставших казаков, стрельцов и крестьян. Войско Лжедмитрия пополнялось с каждым днем, но 21 января 1605 года оно снова было разбито царскими воеводами, которые, однако, не стремились к скорой расправе над самозванцем. Ведь им приходилось действовать среди враждебно настроенного населения, восставшего против крепостничества.

Несмотря на то что Лжедмитрий потерпел поражение, многие южные крепости признали его как отпрыска царского рода. Опасаясь за свою безопасность, дворяне самовольно разъезжались по домам. В течение полугода царские войска не могли взять город Кромь, в котором обосновались донские казаки во главе с атаманом Корелой.

В страхе перед самозванцем Годунов несколько раз засылал в его лагерь тайных убийц. Он приказал привезти в Москву из монастыря мать Дмитрия, чтобы узнать у нее правду. 13 апреля Борис скорпостижно скончался в Кремлевском дворце. Ходили слухи, что он отравился. Официально было объявлено, что царь умер от апоплексического удара.

Незадолго до своей смерти Годунов назначил командующим армией воеводу Петра Басманова, который отличился в первой кампании против самозванца. Молодой воевода должен был выступить в роли спасителя династии. Однако, как показали дальнейшие события, Басманов не оправдал возлагаемых на него надежд.

Тем временем Лжедмитрий медленно приближался к Москве, высылая жителям столицы письма. Москва готовилась к встрече «истинного» царя. Федор Годунов, его мать и верные им бояре, «полумертвые от страха, затворились в Кремле», у стен которого выставили усиленную охрану. Предпринимаемые военные меры были направлены прежде всего на то, чтобы обуздать народ. Очевидцы событий тех далеких лет утверждали: «В Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или сторонников Дмитрия».

1 июня в Красное Село прибыли посланники Лжедмитрия – Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. С их появлением в селе вспыхнуло давно уже назревавшее восстание. Вооруженные красносельцы двинулись в столицу, где к ним присоединились москвичи. Разъяренная толпа, уничтожив стражу, через Китай-город проникла на Красную площадь. Стрельцы, высланные Годуновыми, были перебиты. Гаврила Пушкин с Лобного места прочитал «прелестные грамоты» самозванца, в которых он обещал многие милости всем москвичам – от бояр до черного люда.

Годуновы могли укрыться за надежными стенами Кремля, к чему нередко прибегал Борис, и это спасало ему жизнь. Но среди приближенных царского семейства нашлись изменники, которые в нужный момент открыли крепостные ворота. Выйдя к народу, бояре агитировали его против Федора Борисовича. Богдан Бельский, когда-то опекавший царевича Дмитрия, публично поклялся в том, что лично спас царевича от руки убийцы. Эти слова окончательно рассеяли сомнения толпы, которая ворвалась в Кремль и начала громить дворы состоятельных людей и торговцев, сумевших неплохо нажиться на голоде.

Богдан Бельский водворился в Кремле, чтобы править от имени самозванца. Но Отрепьев опасался этого человека. Поскольку свергнутая царица была сестрой Бельского, Отрепьев не мог поручить ему казнь семейства Бориса Годунова. Поэтому место Бельского вскоре занял присланный Отрепьевым боярин Василий Голицын.

Лжедмитрий не решался въехать в Москву, пока не были устранены все препятствия. Он приказал арестовать патриарха Иова якобы за преданность Годуновым и с позором сослать

его в удаленный от столицы монастырь. На самом же деле самозванец опасался, что патриарх, прекрасно знавший его в прошлом, разоблачит его обман.

После низложения патриарха Голицын в сопровождении стрельцов явился на подворье Годуновых и велел задушить Федора Борисовича и его мать. Вместе с трупом Бориса, который был извлечен из Архангельского собора, их похоронили на заброшенном кладбище.

Расчистив себе дорогу, Лжедмитрий въехал в Москву. Произошло это 20 июля. Через несколько дней был раскрыт заговор бояр против него. Выяснилось, что Василий Шуйский распространял среди жителей столицы слухи о том, что новый царь является самозванцем. Лжедмитрий отдал его на суд собора, который состоял из духовенства, бояр и простых людей. Собор приговорил Шуйского к смертной казни, которую Лжедмитрий заменил ссылкой в галицкие пригороды, куда он было и отправился вместе с двумя братьями. Но до места назначения заговорщики доехать не успели, поскольку узнали о милостивом прощении со стороны государя. Шуйские не только вернулись в Москву, но и получили обратно боярство и имения, за что, правда, впоследствии отплатили черной неблагодарностью.

После низложения Иова патриархом в Москве стал архиепископ Рязанский, грек Игнатий. Он и венчал на царство Лжедмитрия 21 июля. Новоиспеченный государь отличался энергичностью, неограниченными способностями и широкими реформаторскими замыслами. Так, князь Хворостинин говорил о нем: «Остротою смысла и учением книжным себе давно искусив».

Лжедмитрий ввел в думу представителей высшего духовенства, учредил новые чины в подражание полякам: мечника, подचाшия и подскарбия. Он принял титул императора, увеличил в два раза жалованье служилым людям, запретил записи в наследственное холопство. Лжедмитрий приближал к себе иностранцев, добивался свободного выезда своих подданных для получения образования в Западную Европу. Из всех замыслов самозванца самым грандиозным представлялось создание союза против Турции, в который должны были войти Германия, Франция, Польша, Венеция и Московское государство. На достижение этой цели были направлены дипломатические переговоры, которые Лжедмитрий вел с папой и Польшей.

Папа, иезуиты и Сигизмунд вынуждены были навсегда похоронить свою мечту о том, чтобы превратить Лжедмитрия в покорное орудие своей политики. Он держался независимо и не собирался выполнять условия, о которых он договаривался с поляками до выступления на русские земли. О том, чтобы ввести на Руси католичество, не могло быть и речи, а за обещанные земли Лжедмитрий предложил полякам денежную компенсацию.

В конце концов все щекотливые вопросы с поляками были улажены, и 10 ноября 1605 года в Кракове состоялось обручение Лжедмитрия с Мариной Мнишек. Их брак был заключен в Москве 8 мая 1606 года.

Лжедмитрию удавалось еще сохранять популярность среди жителей столицы, но прибывшие в Москву в свите Мнишек иностранцы вызывали в народе все большее раздражение. Шляхтичи не переставали хвастаться, что посадили на московский престол своего царя. Среди иностранцев преобладали украинцы, белорусы и литовцы, поляков же практически не было. Но их обычаи, поведение и наряды отличались от московских и уже только поэтому вызывали неприязнь. Больше всего негодовали москвичи из-за салютов из огнестрельного оружия, которые чуть ли не каждый день устраивали шляхтичи и их слуги.

Василий Шуйский

Недовольством народа решил воспользоваться некогда помилованный Лжедмитрием Василий Шуйский. В ночь с 16 на 17 мая он поднял против самозванца бояр, которые прибегли к обману. Они ударили в набат и объявили сбежавшемуся на его звук народу о том, что ляхи бьют царя. Толпы народа вступили в схватку с поляками, а бояре тем временем беспрепятственно проникли в Кремль.

Лжедмитрий, который ночевал в покоях царицы, направился к своему дворцу, чтобы посмотреть, что там происходит. Самозванец увидел бояр и сразу же все понял. Накануне вечером Шуйский отпустил 70 человек из 100 немцев, составлявших охрану царя, оставшиеся же не смогли оказать сопротивления боярам и сдались. Лжедмитрий бросился к окну и попытался спуститься вниз по лесам, устроенным для иллюминации, но упал и повредил ногу. Эта досадная неудача не позволила ему бежать из Кремля. Отрепьев пытался защищаться, однако силы были явно неравными, поэтому он бежал к стрельцам, но последние, запуганные угрозами

бояр, выдали его людям Шуйского. Последние не замедлили с казнью самозванца. Валуев убил Лжедмитрия выстрелом в голову.

В тот же день народу сообщили о том, что царь оказался самозванцем. Тогда провели и всенародную казнь лжецаря. Тело Лжедмитрия было сожжено, а его прахом зарядили пушку и выстрелили в сторону Польши, «в ту сторону, откуда он пришел».

Тушинский вор (Лжедмитрий II)

В середине 1607 года в Стародубе объявился Лжедмитрий II – личность, абсолютно неподходящая для трона. Польский ротмистр Самуэль Маскевич характеризовал его так: «Мужик грубый, обычаев гадких, в разговоре сквернословный». Происхождение этого человека покрыто мраком неизвестности. Одни историки утверждают, что он был учителем из белорусского городка Шклова, другие считают его поповичем, третьи – крещеным евреем. Некоторые исследователи связывают его появление с желанием польских панов посеять смуту в Московском государстве.

Самозванец, следуя совету агента Мнишек, Меховицкого, поначалу не решился объявить себя царем. Он назвался московским боярином Нагим и начал распространять в Стародубе слухи о том, что царевич Дмитрий остался в живых. Когда же стародубцы подвергли Лжедмитрия пытке вместе с его пособником, подьячим Алексеем Рукиным, последний признался, что боярин, называющий себя Нагим, и есть настоящий Дмитрий. После этих слов самозванец принял грозный вид и закричал: «Ах вы сякие дети, я государь!» Стародубцы тут же с причитаниями пали перед ним ниц: «Виноваты, государь, не узнали тебя; помилуй нас. Рады служить тебе и живот свой положить за тебя».

Самозванца освободили и окружили всяческими почестями. К нему присоединились Заруцкий и Меховицкий с польско-русским отрядом и несколько тысяч северцев. Встав во главе этого войска, Лжедмитрий II захватил города Карачев, Брянск и Козельск. В Орле к его отряду присоединилось подкрепление из Польши, Литвы и Запорожья.

В мае 1608 года войска самозванца, которыми командовал украинский князь Роман Ружинский, приведший тысячи добровольцев, завербованных в Речи Посполитой, одержали победу над Василием Шуйским под Волховом. Спустя некоторое время самозванец приблизился к Москве. Войско Лжедмитрия II остановилось в 12 км от столицы, в Тушине (ныне в черте Москвы), отчего впоследствии он и получил прозвище Тушинский вор.

Лжедмитрий II

Почти полтора года длился тушинский период Смутного времени. Войско самозванца состояло из польских, украинских, белорусских и русских авантюристов. Присоединились к нему также и представители знати, которые были противниками Василия Шуйского. Лжедмитрий привлекал на свою сторону народ, обещая взамен щедрую награду – земли бояр-изменников, он позволил даже насильно брать себе в жены боярских дочерей.

Лагерь самозванца превратился в укрепленный город. В состав его войска входили 7000 польских воинов, 10 000 казаков и несколько десятков тысяч всякого сброда.

Основной его силой было казачество, которое стремилось к установлению казачьей вольности. Один из служивших у Лжедмитрия поляков писал: «У нашего царя все делается, как по Евангелию, все равны у него на службе». Но после того как в Тушине появились родовитые люди, в лагерь самозванца проникли зависть, соперничество и споры о старшинстве. В августе 1608 года часть поляков, освобожденных по ходатайству короля Сигизмунда, присоединилась к тушинцам.

В их числе находилась Марина Мнишек, которая после уговоров Сапеги и Рожинского согласилась тайно обвенчаться со Лжедмитрием II, признав его своим мужем.

Как в столице, так и в ее окрестностях городах влияние самозванца с каждым днем все более возрастало. Ему подчинились Ярославль, Кострома, Вологда, Кашин, Муром и другие города. Однако поведение поляков и русских воров, которые образовывали шайки и, нападая на села, грабили их и издевались над людьми, вскоре вызвало бурю возмущения у русского народа, который разуверился в том, что в Тушине обосновался настоящий Дмитрий.

В конце концов положение царька пошатнулось. Один за другим стали от него отрекаться отдаленные города. Очередная попытка захвата Москвы не увенчалась успехом. Тем временем с севера вел свое наступление Скопин со шведами, в Пскове и Твери тушинцы были разбиты и обращены в бегство. Москва наконец-то освободилась от осады.

Сигизмунд III предпринял поход под Смоленск, во время которого из войска самозванца к нему перешло большинство поляков. Лжедмитрий вынужден был переодеться в крестьянина и бежать из в укрепленную Калугу, где его встретили с почестями. Сюда же прибыла и Марина Мнишек. Избавившись от надзора польских панов, Лжедмитрий почувствовал себя намного свободнее. Ему вновь присягнули Кашира и Коломна.

24 июня 1610 года под городом Клушиным, расположенным в 150 км от Москвы, поляки во главе с коронным гетманом Станиславом Жулкевским разгромили войско Шуйского. Путь на Москву был открыт. Жулкевский наступал на столицу с запада, а самозванец двинулся с юга. Лжедмитрию удалось взять Серпухов, Боровск, Пафнутьев монастырь и дойти до самой Москвы. Марина Мнишек остановилась в Николо-Угрешском монастыре, а самозванец – в дворцовом селе Коломенском. Обстоятельства складывались в его пользу. К тому же царский трон был свободен, потому что 17 июля Шуйского низложили и насильно постригли в монахи.

Однако и на этот раз новоявленному царьку не удалось, как его более расторопному предшественнику, захватить власть в свои руки. 17 августа Жулкевский заключил с московскими боярами договор о вступлении на российский престол сына Сигизмунда III, королевича Владислава, которому вслед за Москвой присягнули на верность многие города. В Москву был введен польский гарнизон, который отрезал самозванцу путь в Москву.

Однако Жулкевский решил уладить дела с Лжедмитрием, не прибегая к силе. Польский гетман от имени своего короля обещал самозванцу взамен за поддержку даровать город Самбор или Гродно. Но Лжедмитрий не желал соглашаться на подобные условия. Впоследствии Жулкевский записал в своих мемуарах: «Он не думал тем довольствоваться, а тем более его жена, которая, будучи женщиной амбициозной, довольно грубо бормотала: «Пусть Его Величество король уступит Его Величеству царю Краков, а царь Его Величество уступит королю Его Величеству Варшаву». Тогда Жулкевский, забыв о правилах хорошего тона, приказал арестовать царскую чету. Но не успел, потому что Марина Мнишек с царьком в сопровождении 500 казаков атамана Ивана Мартыновича Заруцкого бежали в Калугу.

Этот город явился для самозванца последним пристанищем. Лжедмитрий стал жертвой мести крещеного татарина Урусова, которого когда-то подверг телесному наказанию.

11 декабря 1610 года полупьяный Лжедмитрий, конвоируемый толпой татар, отправился на охоту, во время которой Урусов, улучив подходящий момент, рассек своему господину саблей плечо. После этого младший брат кровавого мстителя отсек Лжедмитрию голову.

Известие о смерти царя привело к сильному волнению в Калуге. Все татары, которые оставались в городе, были перебиты донцами.

В память об отце мятежники провозгласили сына Лжедмитрия II калужским царем.

Албанский принц с итальянским гражданством

Стефан Зданович в свое время был необычайно популярным человеком. А известность он приобрел благодаря тому, что выдавал себя за принца Албании, а затем – владыку Черногории.

Известно, что Стефан Зданович родился в 1752 году в Албании. В 1760 году семья Здановичей покинула родину и отправилась в Венецию. Фортуна улыбнулась отцу семейства, и он разбогател. Именно поэтому он смог дать хорошее образование обоим своим сыновьям в Падуанском университете.

В 1774 году вместе со своим братом Стефан предпринял путешествие по Италии. В один из дней они повстречали юношу-англичанина. Братья уговорили молодого человека сыграть с ними в карты. С помощью шулерских приемов они в два счета обыграли англичанина и потребовали незамедлительной выплаты карточного долга.

Молодой человек выплатить деньги не смог, а потому раздосадованные шулеры обратились к его родителям. Они же не только ничего не заплатили мошенникам, но и подали в суд на картежников. Судья вынес достаточно мягкий для того времени приговор: пожизненная высылка из Тосканского герцогства.

Однако на этом приключения братьев Здановичей не окончились. В надежде разбогатеть они пустились в путешествие по странам Европы. В течение всего следующего года они занимались тем, что, сидя за карточным столом, обыгрывали легковверных партнеров.

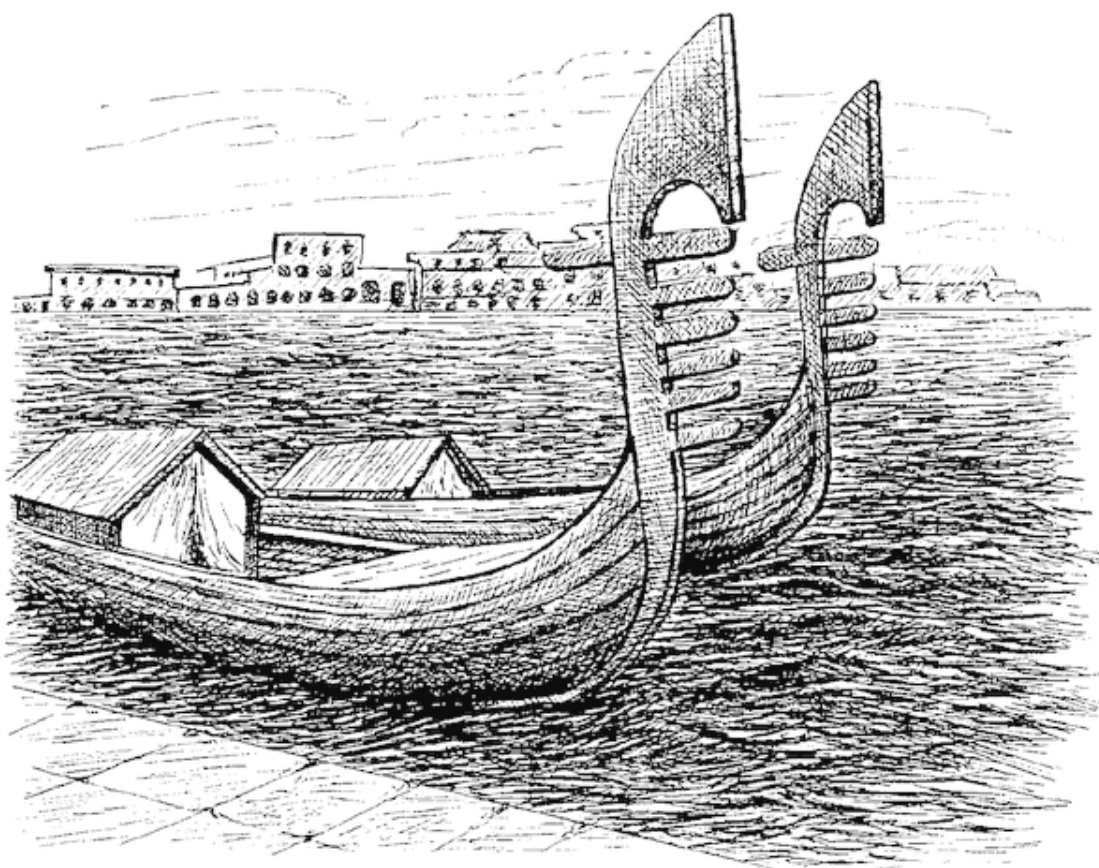
Наконец, однажды в Венеции им удалось обмануть в игре весьма влиятельного человека. Однако братьям Здановичам тогда удалось благополучно избежать наказания, поскольку они попросту вовремя скрылись от правосудия. Суд заочно приговорил мошенников к смертной казни через повешение. Казнь состоялась на следующий день. Поскольку преступников так и не удалось изловить, повешенными оказались портреты с их изображением.

Необходимо сказать, что в отличие от большинства мошенников, специализировавшихся на карточных играх, братья Здановичи были весьма образованными людьми. Они увлекались литературой, владели несколькими иностранными языками и превосходно танцевали. Известно также, что какое-то время они вели активную переписку с Вольтером и Даламбером. Кроме того, они близко знали знаменитого Казанову, который частично описал их похождения в «Записках».

После суда, состоявшегося в Венеции, братья решили расстаться. С тех пор каждый из них жил своей жизнью. Примислав поселился во Флоренции. А Стефан Зданович решил отправиться в Потсдам, где и находился достаточно долгое время, выдавая себя за албанского принца. Он вошел в доверие к прусскому принцу и его супруге, часто рассказывая им о том, как ему пришлось покинуть родную Албанию из-за происков завистников.

Идиллию его существования нарушили газеты. Одна за другой стали появляться статьи, повествовавшие о похождениях двух братьев, карточных шулеров. В результате из опасения быть узнанным Стефан решил покинуть дворец принца и бежать из страны.

На этот раз Стефан Зданович остановился в Голландии. Нужно сказать, что к тому времени он (вероятнее всего, в карточной игре) смог раздобыть рекомендательное письмо венецианского посланника в Неаполе. Благодаря той бумаге Стефан оказался принятым в аристократических кругах общества.

Особенно часто посещений мошенника удостоивались состоятельные банкиры. В целом в результате мошеннической деятельности самозванца они потеряли сумму, составлявшую около 300 000 гульденов, обеспечив тем самым известному авантюристу довольно безбедное существование. Пожалуй, не нужно говорить о том, что, заполучив требуемую сумму, мошенник тот же час бежал из страны.

Поняв, что авантюриста догнать невозможно, обиженные банкиры решили предъявить иск самому послу Венеции в Голландии. Однако тот, пожурив пострадавших и посетовав на их глупость и наивность, категорически отказался выплачивать требуемую сумму.

Тогда на помощь банкирам пришло правительство Голландии, возглавляемое принцем. Оно предъявило иск правительству Венеции на выкраденную одним из его подданных сумму в размере 300 000 гульденов. Однако и на этот раз банкиры оказались в проигрыше. Власти Венеции наотрез отказались платить деньги за мошенника, который был повешен несколько лет назад.

Таким образом, у Голландии появился повод развязать войну. Спустя некоторое время после судебного разбирательства война была объявлена. Однако бессмысленное кровопролитие удалось вовремя остановить с помощью третьего лица, в качестве которого выступил тогда император Австрии Иосиф II.

А в то время, пока шло разбирательство по делу об украденных деньгах, сам виновник политического спора смог пробраться в Черногорию, где выдал себя за воскресшего владыку Степана Малого. Спустя два года он отправился с визитом к королю Фридриху, которому представил письмо с описаниями его заслуг в войне черногорцев с турками.

Однако в Черногории слишком хорошо знали Степана Малого, чтобы поверить самозванцу. Испугавшись жестокой расправы со стороны местных жителей, Стефан Зданович решил скрыться в Польше. Но и там он не смог долго находиться.

После этого Стефана Здановича не раз видели в Речи Посполитой, Германии, Амстердаме и Голландии. Известна крупная афера, проведенная мошенником в 1776 году. Тогда он жил в Германии и ему удалось получить огромную сумму денег от поляков-конфедератов, которые стремились к тому, чтобы развязать войну между Турцией и Россией.

В 1783 году Стефан Зданович появился в Амстердаме. Там он называл себя Царабласом и брал в долг у легковых богатей значительные суммы денег. Спасаясь от правосудия, мошенник вновь вынужден был бежать. Однако тогда он был пойман и препровожден в тюремную камеру.

Спустя некоторое время авантюрист отправился в Голландию, где, называя себя князем Здановичем-Албанским, принял активное участие в восстании, направленном против власти Иосифа II. Затем он пообещал восставшим, что сможет поднять на войну черногорцев. Однако сделать это ему так и не удалось. Он был пойман, осужден как самозванец и приговорен к тюремному заключению.

Быть может, спустя некоторое время Стефан Зданович вновь оказался бы на свободе. Однако судьба непредсказуема. В ночь на 25 марта 1785 года он был обнаружен тюремным охранником мертвым в своей камере. Врачи определили, что он покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены.

В своем признательном письме, адресованном герцогине Кингстон, Стефан Зданович писал о том, что всю свою жизнь носил чужие имена, разыгрывая из себя разных людей.

История графа де Бонневаль (Ахмет-паша)

Ахмет-паша известен как человек, который, будучи уже зрелым мужчиной, принял мусульманство, участвовал во многих военных походах и, кроме того, в предприятиях сомнительного свойства.

Мало кто сейчас знает о том, что настоящим именем Ахмет-паши было Клод-Александр граф де Бонневаль. Он родился в 1675 году в семье знатного дворянина. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Ахмет-паша происходил из старинного рода Бурбонов, знаменитой династии королей Франции.

Клод-Александр рос упрямым и своенравным ребенком и с самого раннего детства доставлял родителям и окружающим немало хлопот. Для того чтобы привить ему правила хорошего тона и обучить некоторым наукам, отец отдал его на воспитание в иезуитскую коллегию. Среди прочих предметов там особенно выделялись богословие и изучение древних языков.

Но и добропорядочные иезуиты не смогли воспитать в мальчике покорность и усидчивость. Очень скоро они обратились к его отцу с жалобами на беспокойный нрав ученика. А потому граф де Бонневаль вынужден был забрать сына из иезуитской коллегии.

В возрасте 13 лет Клод-Александр был отправлен отцом на военную морскую службу. Однако и суровый распорядок дня морских солдат не переломил твердого характера своенравного юноши. Особенно тяготила подростка необходимость точно соблюдать установленный кем-то раз и навсегда распорядок дня, который никак нельзя было назвать легким.

Известен случай, когда на одном из военных смотров молодой граф де Бонневаль отказался выполнять приказ, данный командиром. Вследствие этого он навлек на себя неудовольствие морского министра маркиза де Сеньеле, имевшего огромную власть при дворе.

Клод-Александр Бонневаль Ахмет-паша

Разгневанный маркиз приказал было изгнать графа из флота, приговаривая, что таким солдатам, как гардемарин де Бонневаль, нет места среди французских матросов. На это Клод-Александр гордо заявил: «Людей моего имени не исключают, господин министр». Такой смелый ответ солдата пришелся по сердцу старому командиру, и он приказал произвести отличившегося в мичманы.

Время рассудило простого гардемарина и знатного министра, доказав последнему правоту его решения оставить графа на службе. В сражениях, происходивших под Дьепом, Ла-Гогом и Кадиком, Клод-Александр де Бонневаль зарекомендовал себя как отважный и храбрый боец, не страшившийся вражеских пушек.

Кроме того, командуя небольшой группой гардемарин, он проявил себя как талантливый флотоводец, который может не только посылать подчиненных на смерть, но и находить выходы из самых сложных и опасных ситуаций. Необходимо заметить, что знаменитому мичману в то время едва исполнилось 20 лет.

Подобная смелость, бескомпромиссность и решительность де Бонневалья проявлялись не только во время морских военных походов, но и в мирной жизни. Так, например, известно о произошедшей в ту пору дуэли между молодым графом и одним из офицеров.

Необходимо заметить, что дуэли тогда были категорически запрещены во французской армии. Они приравнивались к преступлению, а потому лица, участвовавшие в дуэлях, неизменно представляли перед военным судом.

Так случилось и с Клодом-Александром де Бонневалем. Решением суда он был лишен звания и изгнан из флота. Следующие три года незадачливый гардемарин служил в полку телохранителей. А начиная с 1701 года был назначен командиром инфантерийского полка.

Как командир отряда пехоты Клод-Александр де Бонневаль также не раз отличался. Так, например, известны его победы в Итальянской и Нидерландской военных кампаниях, командование которыми вели, соответственно, маршалы Катин и Люксембург. Однако, несмотря на столь очевидные и громкие заслуги перед отечеством, де Бонневаль не получил ни одной награды. Виной тому был его тяжелый характер. До командования не раз доходили слухи о тирании и вымогательстве командира инфантерийского полка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.